

6.

КУЛЬТ МЕРТВЫХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Куль мертвых в истории и культуре восточных славян — тема огромная и, несмотря на интерес в этнографии к похоронным ритуалам, в археологии — к захоронениям, в фольклористике — к причитаниям, все еще недостаточно изученная. Практика погребения — одна из базовых, делающих общество человеческим. Животные не хоронят своих мертвецов. Нас будет интересовать лишь один ее аспект. А именно: современная практика перезахоронения останков.

Как существующие в современной российской жизни отношения между живыми и мертвыми проявляются в этих актах?

Постановка подобного вопроса представляется правомерной, поскольку в этом явлении российской социальной жизни содержится какое-то оценочное противоречие: эксгумация вызывает значительное эмоциональное напряжение — «тревожить прах» дурно. При этом эмоциональное напряжение не меньшей силы (но с положительным знаком — воодушевление) вызывает и перенесение праха в «подобающее» с точки зрения совершающих это действие место. Одно и то же действие — перезахоронение останков — в одних случаях вызывает яростный общественный протест, в других — активно обществом поддерживается. Подобных событий в России начала XXI было слишком много, чтобы не заметить их антропологическую составляющую: перезахоронения праха значимых исторических личностей — Деникина, Ильина, императрицы Марии Федоровны, А. Дерябина и др., а также перезахоронения останков солдат, погибших во время Великой Отечественной войны. Приведу два примера из новостных лент:

16 сентября 2008 года. «Известный историк казачества Федор Щербина будет перезахоронен на родине. Прах известного историка Федора Щербины доставлен в понедельник специальным самолетом в Краснодар из Праги. Именно в этом чешском городе выдающийся дореволюционный историк, уроженец станицы Новодеревянковской Краснодарского края, провел последние годы жизни, мечтая о возвращении на родину. “Это была воля Федора Андреевича Щербины — быть захороненным на Кубани”, — сказал корр. ИТАР-ТАСС губернатор Александр Ткачев»⁸⁷.

«4 октября 2005 года в Москве в Донском монастыре состоялась торжественная церемония перезахоронения праха генерала Антона Деникина, философа Ивана Ильина и их супруг»⁸⁸.

Приведу еще два практически совпавших по времени события: прошедшее без особого общественного резонанса перезахоронение летчиков, погибших за Москву, вызванное необходимостью строить окружную дорогу, и практически одновременно — яростный общественный протест россиян, когда было принято решение о перенесении останков Неизвестного солдата из центра Таллина на кладбище.

Сочетание известного ряда факторов — воспроизводимости, отсутствия рационального толкования, коллективности и эмоционального накала — делает это явление достойным объектом антропологического внимания.

Для его рассмотрения обратимся к одному рассуждению Клода Леви-Стросса. В нем ученый сопос-

тавлял фольклорные мотивы и культурную практику: «Даже если попытаться свести к единой модели типы поведения по отношению к мертвым, наблюдаемые в разных человеческих сообществах, то придется признать принципиальное различие между полюсами спектра, в пределах которого можно обнаружить множество промежуточных стадий. Некоторые сообщества почитают и умиротворяют умерших, а те — покровительствуют смене времен года, плодородию полей... Все происходит так, как будто между живыми и мертвыми было заключено соглашение»⁸⁹. С подобным правилом почитания мертвых, по мнению Леви-Стросса, связан известный во многих культурных традициях фольклорный мотив благодарного мертвеца. В восточнославянской традиции этот мотив также достаточно популярен. В сравнительном указателе сюжетов «Восточнославянская сказка»⁹⁰ учтено несколько типов сюжетов, содержащих этот мотив. Они представлены более чем полусотней опубликованных сказочных текстов:

507=AA 507A, B, C

Благодарный мертвец: герой хоронит мертвеца, и тот помогает ему жениться на встающей из гроба царевне, все женихи которой были съедены ею ночью в церкви (костеле); мертвец предлагает разделить царевну пополам, чтобы «очистить ее».

508=AA 508A

Благодарный мертвец: дарит похоронившему его человеку коней и оружие для борьбы со змеями (врагами).

—508**

Благодарный мертвец и разбойники: мертвец приводит похоронившего его человека в дом, где пируют разбойники, и убивает их; богатства разбойников достаются этому человеку.

508*=AA 508*B

Благодарный мертвец: исполняет трудные задачи (за три дня строит церковь).

Мотив благодарного мертвеца предполагает наличие вполне определенного культурного императива — уважение к мертвым проявляется в необходимости предать земле их останки, то есть совершить похоронный ритуал. Захоронение останков

⁸⁷ Цит. по: <http://www.patriarchia.ru/db/text/460534.html>

⁸⁸ Цит. по: <http://www.patriarchia.ru/db/text/51404.html>

⁸⁹ Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1999. С. 293–294

⁹⁰ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979.

умиротворяет душу покойного и делает его помощником, а точнее — патроном исполнителя ритуала. Отметим также и то, что в некоторых сказочных текстах, разрабатывающих эти сюжеты, функцию *благодарного мертвеца* исполняют святые (например св. Николай в сюжете типа 507=AA 507A, B, C), а также покойный отец героя (сюжет 508=AA 508A), то есть «родители», предки. Иными словами, чудесный патрон может быть представлен как предок или как святой-покровитель.

Особое уважение к акту захоронения сохраняется в нашей культуре и сегодня: родственники должны быть на похоронах. Род должен собраться вокруг покойного, проводить его и принять участие в поминальной трапезе. Эта традиция до сегодняшнего дня имеет административную поддержку: при наличии телеграммы о смерти близкого билеты на транспорт, для того чтобы успеть на похороны, предоставляются вне очереди.

В другой части спектра отношений между живыми и мертвыми, представленного в разных обществах, находится такой тип отношений, который можно называть *плутовским* или *трикстерским*⁹¹. Леви-Стросс описывает его так: подобное отношение отображено «в фольклорном мотиве, который я назвал бы мотивом предприимчивого рыцаря. В этом случае герой беден. Его единственное достояние — зернышко пшеницы; хитростью ему удастся обменять его на петуха, петуха — на поросенка, поросенка — на быка, быка — на человеческие останки, которые, в свою очередь, обмениваются на живую принцессу. Как видим, умерший здесь является не субъектом, а объектом. Вместо того чтобы, как в первом случае, быть партнером, с которым заключается соглашение, он становится орудием спекуляции, основанной на хитрости и обмане»⁹².

Второй из описанных Леви-Строссом мотивов в восточнославянской традиции не менее популярен.

СУС: 1537 Мертвое тело: дурень везет свою убитую мать (нередко убитую им самим), сажает труп в чужой погреб (на чужую лошадь, прислоняет к чужому окну); каждый раз новое лицо (поп, богач, барин) обвиняется виновником ее смерти; дурень берет с них отступное⁹³.

Леви-Стросс указывал на прямое соответствие между этим фольклорным мотивом и определенными социальными тактиками: «Некоторые общества относятся к своим мертвым подобным образом. Они не только не позволяют им обрести покой, а используют их: иногда в буквальном смысле, как, например, в случае каннибализма и некрофагии, в основе которых лежит стремление присвоить добродетели и силу умершего... Иногда использование мертвых происходит символически, как в случае, когда члены общества, где чрезвычайно развито соперничество, вынуждены, так сказать, осмелиться призвать на помощь мертвых, стараясь обосновать свои притязания на исключительность ссылок на предков и генеалогическим мощенничеством»⁹⁴.

Итак, различие в описанных тактиках основано на характере отношений живых к мертвым. В первом случае мертвые — личности или, во всяком случае, адресаты вотивных поминальных действий, а отношения живых и мертвых — партнерство, подразумевающее равноправных участников и диалог между ними⁹⁵. Во втором случае умершие — «мертвое тело», останки, прах — объект, но не субъект отношений. Объект наделяется теми или иными символическими значениями и используется в социальных играх.

Как мне представляется, в современной России представлены обе эти тактики. И это касается как политически и социально значимых событий или макро-событий, так и событий частной жизни. Безусловно, сохраняющееся в отечественной культуре почитание

⁹³ В СУС указано около 40 восточнославянских текстов, в которых представлен этот мотив, но в действительности их зафиксировано значительно больше: этот сюжет был весьма популярен в рукописной традиции: см. Овчинникова О.В. Текстологические приемы изучения рукописных вариантов сказочных сюжетов (на материале «Повести о Шемякином суде») // Русский фольклор / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Т.Г. Иванова. Л., 1991. Т. 26: Проблемы текстологии фольклора. С. 106–114.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Более того, отношения между живыми и мертвыми одного рода представлялись как отношения патронажа.

⁹¹ Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб, 1999.

⁹² Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1999. С. 295.

«родителей», культ предков, обеспечивает возможность символических манипуляций.

Рассматривая их, я сознательно избегаю темы почитания святых мощей, поскольку этот вопрос церковной истории и христианской практики увел бы нас слишком далеко от избранного для рассмотрения предмета. Тема похоронной обрядности советского времени тем не менее должна быть, хотя бы в самых общих чертах, затронута.

Отрицание жизни души после смерти тела составляло одну из аксиом атеизма, ставшего одним из важнейших направлений советского идеологического строительства. Практика почитания могил в некоторой степени противоречила этому убеждению. Посмертное поминовение должно было обеспечивать память потомков⁹⁶. Советское государство, борясь с религиозным дурманом, включило смерть в свою компетенцию и отнесло ее к светской сфере «гражданского состояния». Гражданское состояние — живой, или гражданское состояние — мертвый! Новшества советской похоронной обрядности были обусловлены не только исключением церковного ритуала, но и изменением сферы жизненных сценариев. По русской народной традиции похоронный ритуал ратифицировал переход к новым социальным ролям: осиротевшие, вдовы и вдовцы должны были жить иначе, чем не имевшие такого опыта, умерший становился «родителем», предком, патронирующим свой род. В советской культуре переживающие утрату, напротив, «не должны свернуть с пути», «жить дальше»: выбывание одного из членов социума не предполагает изменения жизненных сценариев для других. «Провожающие в последний путь» считают необходимым отдать «последний долг» у с о п ш е м у. Но поскольку умерший с точки зрения провожающих его в последний путь атеистов очевидным образом долг принять не мог, то следует признать,

что общественное поведение в момент советских похорон было адресовано живым, общественности, публике. Акционально эта идея представлена в похоронной процессии венками с «последними словами» траурных надписей, государственными наградами на бархатных подушечках, телеграммами соболезнования, оформленными цветами и лентами фотографиями. Этот набор атрибутов призван был преобразовать социально одобренный культурный сценарий в конкретный жизненный сюжет, посредством которого будут ныне понимать жизнь умершего «провожающие». Умерший переставал быть участником жизни рода, он становился особым «знаком». Эти новшества в похоронной обрядности относились в первую очередь к привилегированным социальным кругам. Такой похоронный ритуал сопровождал похороны человека, который, с позиции его социальной группы, занимал высокое социальное положение. «Советские похороны» — акт общественного признания значимости человека. Смысл и ценность человеческой жизни определяет не Бог, не род, но общество. И делало оно это на его похоронах.

В крестьянской культуре вплоть до конца XX века существовало представление о смерти «правильной» и «неправильной». Правильная смерть наступала с готовностью к ней человека: с истощенностью срока жизни, «исполненностью днями». Собрание смертного узелка, сохранившееся в традиции русских крестьянок до сегодняшнего дня, — мысленная и действенная подготовка к смерти. Ту же функцию — организации собственной жизни и отношений вокруг себя — выполняло и выполняет завещание. В середине 90-х годов XX века мы занимались изучением статистики мужской и женской смертности в Белозерском районе Вологодской области и тогда заметили одно примечательное обстоятельство. Люди старше восьмидесяти умирают в месяц, на который приходится день их рождения. «Мы все умираем на восемьдесят шестом, — весело заметила одна крестьянка, — а мне нынче восемьдесят. Так я еще поживу». Другая сказала иначе: «Сей год поживу, а на следующий или в город, или на кладбище уеду». Как сказала, так и сделала: когда мы приехали в деревню следующим летом, мы узнали, что она весной умерла. Нас, горожан, всегда поражала готовность говорить о собственной смерти, дискурсивная освоенность этой темы деревенскими стариками. Это относится как к разговорам о смерти, так и к похоронному ритуалу. Деревенские похороны — публичное дело. Городские — приватное, они становятся публичными лишь в особых случаях. Открытость, включение смерти в порядок жизни, проявляется и в календарных актах поминовения: в походах на кладбище в «урочные» дни принимает участие вся семья, включая детей. Деревенские дети вплоть до конца XX века видят и слышат, как причитают их бабушки по умершим.

⁹⁶ Подробнее: Адоньева С.Б. Дух народа и другие души. СПб, 2009.

20

21

22

«Неправильная смерть» по традиционным народным представлениям — смерть до срока, смерть-погибель, убийство и самоубийство, смерть в результате несчастного случая. Представление о правильной и неправильной смерти выражалось в различных типах погребальной практики: захоронение в пределах и за пределами кладбища, движение похоронной процессии разными путями. По рассказам местных жителей, от деревни Карл Либкнехт (Белозерский район Вологодской области) к кладбищу ведут две дороги. По одной везут «правильных» покойников, по другой — пьяниц и самоубийц.

В современной культуре это представление преобразовалось в представление о смерти социально значимой, получающей статус события, и смерти, не являющейся социальным событием, которая в пространстве современной культуры оформляется

На страницах 108–109

20–22 Фотографии

из деревенского
семейного альбома 1960-х
годов: семья у могилы
в поминальный день
(Архангельская область)

23

25

24

по традиционному канону, в соответствии с конфессиональной принадлежностью семьи.

Но мы не увидим ныне похоронных процессий, которые торжественно двигаются по улицам города, как это продолжает быть в деревне и как это было в дореволюционных российских городах.

Моя мама вспоминала о том, как она пятилетней девочкой — до войны — принимала участие в похоронной процессии в Ленинграде. Они вышли на прогулку с бабушкой, в начале 1930-х перебравшейся из вологодской деревни в город к дочери и внучке. По улице Марата мимо них двигалась похоронная процессия. И деревенская бабушка поступила так, как считала должным: они вместе с внучкой присоединились к процессии. Они дошли вместе с ней до Волкова кладбища, пройдя, таким образом, полгорода. По маминым воспоминаниям, публичные похоронные процессии

На страницах 110–111

23–25 Похоронная процессия
в деревне (2008 год,
Архангельская область).
Фото Д.Н. Туминас

прекратились со времени Великой Отечественной войны. Но кинофильмы 1960—1970-х годов («Здравствуй, это я» — режиссер Фрунзе Довлатян, 1965 год, «Городской романс» — режиссер Петр Тодоровский, 1970 год, «Белорусский вокзал» — режиссер Андрей Смирнов, 1970 год) позволяют видеть, что традиция публичных похоронных процессий в отношении людей, чтимых за какие-либо заслуги перед советским обществом, сохраняется и после войны. Мера публичности определялась участием «советских, профсоюзных и партийных» органов в организации похорон.

Значимая смерть — смерть «культурных героев» (чиновников, писателей, артистов и др.) — представляется как безвременная, как случайность, что, видимо, подразумевает возможность отсутствия финала жизни как такового⁹⁷. Такая практика социального оформления события смерти обнаруживает изменения в области мифологии: представление о смерти как о безвременной предполагает идею вечной жизни. Когда мы слышали, что смерть наступила своевременно? Высокий общественный интерес к несчастному случаю, который делает эту тему обязательной для новостей массмедиа, обеспечен потребностью в постоянном подтверждении этой идеи. Первые строки новостных сводок всегда посвящены чьей-либо смерти-погибели.

Видимо, наличием этого представления можно объяснить появление новой традиции поминовения. Мемориалы устанавливаются не только на месте захоронения, но на месте безвременной, случайной гибели. Это хорошо известные всем россиянам придорожные «смертные» знаки — кресты, венки и фотографии на столбах и деревьях в том месте, где произошла автокатастрофа. Такие памятные знаки — кенотафы (пустые могилы) поддерживаются и подновляются близкими погибших. Примечательно, что именно смерть на доро-

ге, в пути, отмечена таким образом. Метафора «путь жизни трагически оборвался» воплощена посредством пластического знака.

Место гибели на улицах города отмечают цветами и горящими свечами некоторое время, до похорон или сорока дней, и делают это «дальние», не родственники:

«В Петербурге перекрыто движение по 5-й Красноармейской улице, где жители города возлагают цветы на место гибели студента из Сенегала. Представители различных партий и движений пришли сюда без партийной символики, просто как жители Петербурга, перемешавшись с жильцами близлежащих домов и чернокожими студентами, с которыми погибший учился в одном вузе и вместе защищал права выходцев из африканских государств в России». (РТР, 08.04.2006)⁹⁸.

«26 апреля (2003 г.) из Красноярска в Ермаковский район на место прошлой авиакатастрофы отправились журналисты, несколько чиновников краевой администрации, родственники погибших. На месте падения Ми-8 установлена гранитная стела, и в субботу возле нее несли почетный караул воспитанники одного из кадетских корпусов Красноярского края. В годовщину трагедии, 28 апреля, губернатор края Александр Хлопонин, глава городской администрации Красноярска Петр Пимашков, спикер краевого парламента Александр Усс, чиновники и депутаты законодательного собрания края возложили венки на могилах погибших в авиакатастрофе. Вместе с Александром Лебедем год назад разбились заместитель губернатора по социальным вопросам Надежда Кольба, глава Ермаковского района Василий Роговой, начальник краевого управления по туризму Лев Чернов, работник Шушенского санатория Андрей Кандинский, оператор государственной телерадиокомпании Игорь Гареев, корреспондент “Сегодняшней газеты” Константин Степанов и журналист телекомпании “7-й канал” Наталья Пивоварова. За исключением губернатора, все они похоронены на Аллее славы кладбища Бадалык Красноярска».⁹⁹

Традиция посещать и отмечать цветами и свечами место гибели — постсоветский способ освоения идеи смерти. Смерть публична тогда, когда она случайна, когда она — гибель. Смерть как естественное окончание физической жизни человека изъята из публичного пространства города и из публичной речи. Традиция публикации частных некрологов забыта центральной прессой России.

⁹⁷ См. о новой погребальной традиции: Матич О.

Успешный мафиозо — мертвый мафиозо. // Новое литературное обозрение. М., 1998, № 33 (5/1998). С. 75—107.

⁹⁸ Цит. по: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=77270&tid=34948>

⁹⁹ <http://www.svoiproekt.ru/line.php/kommersant-2003-4-29-99363.html>

Такова постсоветская похоронно-поминальная практика. Наследуя многое из традиции советского времени, она вместе с тем существенно преобразуется под воздействием поминальной практики религиозной.

Определение статуса умерших, включение их в литургическое общение обеспечило восстановление общности живых, а именно — объединение Православной церкви. «В 1990 году, — сказал патриарх Алексий, отвечая на вопросы журналистов, — уже после падения безбожного режима, было обращение Московского Патриархата к Русской зарубежной церкви... но этот призыв тогда не был принят... Я думаю, главное, что послужило толчком, — это юбилейный Архиерейский собор 2000 года, который прославил в лике святых царственных мучеников и целый сонм новомучеников и исповедников. Это и архипастыри, и пастыри, монашествующие и миряне, которые пострадали в тяжелые годы гонений за веру Христову»¹⁰⁰.

Одним из наиболее важных событий, положивших основу для объединения Русской церкви, стало совместное богослужение иерархов на Бутовском полигоне 15 мая 2004 года: «Архиепископ Марк поделился размышлениями относительно перспектив сближения Церквей: «знаменательным событием для нас стала возможность молиться за богослужением на Бутовском полигоне, где погибло несметное число русских православных людей... Пожалуй, это событие наиболее ярко показывает, что молитвы новомучеников — наша общая основа, на которой мы можем дальше развивать совместное свидетельство перед Богом и миром»¹⁰¹.

В основу создания нового сообщества, восстановления литургического общения русских православных в России и за рубежом было положено всеобщее признание статуса погибших, а также признание

26

их молитвенного участия в жизни. Актом включения в литургическое поминовение они признавались святыми мучениками, предстательствующими перед Богом за живых. Таинство евхаристии служит той трапезой, которая объединяет живых и поминаемых (имеющих свою частицу в бескровной жертве) в единое тело Церкви.

Наряду с макромасштабными событиями церковной жизни в постсоветские годы изменилась также и практика внецерковного, обыденного поминовения. Так, например, наши информанты, жители провинциальных городов и деревень Русского Севера, с которыми мы обсуждали современную похоронную и поминальную обрядность, неоднократно отмечали тот факт, что календарные поминания на кладбищах в последние десятилетия получили особый размах. Идиоматическое выраже-

На странице 115
26 Массовое поминовение
родственников в день деревни
(Архангельская область).
Фото Д.Д. Сытниковой

¹⁰⁰ «Объединение Церкви — это собрание русского народа» (Интервью Святейшего Патриарха Алексия, РТР-«Вести», 14 мая 2007. (<http://www.martyr.ru/>))
¹⁰¹ Цит. по: <http://www.mospat.ru/text/news/id/6957>

ние «отдать долг» употреблялось нашими собеседниками среднего возраста, когда они объясняли свою потребность посетить родные места и — обязательно — могилы родных в праздничные дни.

В «родительские» дни и дни церковных праздников, 1 и 9 мая, то есть в дни весенних советских праздников, исход российских жителей на кладбища, с едой и алкоголем, с чадами и домочадцами носит массовый характер.

С музыкой и возлияниями творимая на могилах тризна, которой мы склонны были приписать архаический характер, старшими поколениями из наших информантов оценивалась как постсоветское нововведение.

Итак, после похорон и поминок, исполнения ритуала девятого и сорокового дней, умершим «отдают долг», устраивая совместные с ними трапезы и ухаживая за их могилами. Все это, естественно, предполагает наличие субъектно-субъектных отношений между живыми и мертвыми. «Важнейшая особенность поминальной трапезы как в языческой, так и в христианской Античности, — отмечает историк Г.О. Эксле, — проявляется именно в том, что покойный воспринимался живыми, которые осуществляют его поминовение на месте погребения, как самый настоящий участник трапезы... Потребление одной и той же пищи объединяло живых с покойным в одно сообщество»¹⁰². Именно так, как к участнику трапезы, относятся к поминаемому на могиле и современные россияне.

Другую форму отношений с умершими, или другую часть спектра, если пользоваться определениями Леви-Стросса, составляют действия с мертвыми телами, призванные обеспечить или обосновать легитимность власти или социальной иерархии.

Взглянув на российские события последних нескольких лет в свете мотива манипуляций с «мертвым

телом», мы обнаруживаем целый ряд символических актов, укладывающихся в сценарий подобной манипуляции.

4 октября 2005 года в Москве в Донском монастыре состоялась торжественная церемония перезахоронения праха генерала Антона Деникина, философа Ивана Ильина и их супруг. Как сообщает пресса, «инициаторами перенесения останков видных представителей русской эмиграции в российскую столицу выступили их родственники». Но тут же дана ссылка на высказывание, однозначно указывающее на иных инициаторов: «Дочь генерала Деникина Марина Антоновна говорит, что к ней не раз обращались с таким предложением, но она дала свое согласие лишь после того, как свою заинтересованность в этом вопросе выразил президент РФ Владимир Путин. Российское правительство взяло на себя все расходы, связанные с перезахоронением, включая доставку гроба Деникина из Нью-Йорка, Ильиных — из Женевы и всех вместе — из Парижа в Москву»¹⁰³.

Перезахоронение императрицы Марии Федоровны, перенесение ее останков из Копенгагена в Петербург, также происходило по инициативе светских российских властей: «В 2003 году Дания объявила, что королева Маргрете согласилась на перезахоронение праха Марии Федоровны в России. Президент РФ Владимир Путин подписал распоряжение о создании рабочей группы, которая организует церемонию переноса праха императрицы из Дании в Россию в 2004 году. В 2005 году между российским и датским правительствами было достигнуто соглашение о переносе останков Марии Федоровны из Роскильде в Петропавловский собор в Санкт-Петербурге. Официально объявлено, что перенос праха Марии Федоровны в Санкт-Петербург символизирует дань уважения к исполнению последней воли императрицы, которая

¹⁰² Эксле Отто Герхард. *Memoria* и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Эксле О.Г. *Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья*. М., 2007. С. 249–250.

¹⁰³ Цит. по: www.newsru.com/russia/03oct2005/denn.html

хотела быть захоронена вместе со своей семьей. Письменная воля императрицы Марии Федоровны о будущем ее перезахоронении, насколько можно понять, отсутствует. Отдельные представители дома Романовых свидетельствуют, что подобная воля высказывалась Марией Федоровной при жизни устно. Возможность донесения подобных откровений через дальних потомков вызывает сомнение у других Романовых». ¹⁰⁴

Одна из представительниц семьи Романовых, супруга Тихона Николаевича, внука императора Александра III, Ольга Куликовская-Романова сообщила в интервью: «Несмотря на то что я, как и Русская православная церковь, выступала категорически против перезахоронения “екатеринбургских останков” под видом царских, в случае с переносом праха императрицы Марии Феодоровны была морально обязана участвовать в церемонии и потому, что это настоящие останки, и потому, что это родная бабушка моего супруга, чьи интересы я сейчас представляю по его завещанию. Так что считала своим долгом присутствовать при перезахоронении государыни и сопровождать гроб с ея телом как ближайшей родственницы по линии мужа.

— Ольга Николаевна, вы очень подробно описали датскую часть церемонии перезахоронения, которая действительно была организована на королевском уровне, где продумали каждую деталь. Мне хотелось бы спросить: после Копенгагена вы приехали встречать гроб с останками императрицы Марии Феодоровны в Санкт-Петербург. Расскажите и оцените российскую часть церемонии перезахоронения.

О.Н.: — Общее впечатление об устройстве самой церемонии — много путаницы, одним словом — ниже всякой критики. Выезд на автобусах был назначен на одно время, выехали совершенно в другое. А приехав на пристань в Петергоф, вынуждены были стоять

и ждать на холодном жутком ветру. Никто не предусмотрел даже палаток, где можно было укрыться в большинстве своем пожилым людям. Причем нас выгрузили на берегу на приличном расстоянии от пирса. Масса журналистов держалась отдельно. Простых людей, как это было сделано в Дании, организаторы здесь даже близко не подпустили встретить русскую императрицу... Но самый большой их прокол, когда возили императрицу по улицам Царского Села, по другим местам, а в то время Святейший Патриарх Алексей Второй, который согласился служить заупокойную литургию в Исаакиевском соборе, вел торжественную службу перед пустым постаментом» ¹⁰⁵.

Истории с перемещением праха коснулись не только царской фамилии или выдающихся деятелей российской политики и культуры. Приведу пример работы с подобным сценарием «на местах»: «Праха основателя и первого начальника Ижевского оружейного завода Андрея Дерябина привезли две недели назад из Толгского монастыря Ярославской области с благословения Московской и Удмуртской патриархии. Долгое время место могилы Дерябина было загадкой, только благодаря изысканиям краеведов два года назад было установлено, что основатель города Ижевска захоронен на территории Свято-Введенского Толгского монастыря под Ярославлем. Тогда же появилась идея о перенесении праха в Ижевск. Церемония перенесения праха Андрея Дерябина прошла по всем канонам Православной церкви. Как государеву человеку и генерал-майору горного ведомства ему были оказаны и воинские почести. Покоиться прах будет в часовне-усыпальнице на территории Александро-Невского собора — первого заводского собора, построенного на пожертвования рабочих. Ижмаш собирается поставить на этом месте часовню великой Екатерине великомученице. Дело в том, что в свое время, когда Екатерина перевела шуваловских рабочих, крепостных крестьян, в государственных рабочих, рабочие приняли решение считать ее небесную покровительницу своей святой...

Пока же часовня не построена, прах Андрея Дерябина будет храниться в музее Ижмаша», — сообщает РИА «Купол-Медиа» ¹⁰⁶.

Вместо кладбища, находящегося у одной из самых чтимых православных святынь — иконы Божьей Матери Толгской, эксгумированный прах оказался хранимым в музее машиностроительного завода. Было ли это действие исполнением воли покойного?

Перемещение останков с места первоначального захоронения к месту, которое признается инициаторами подобных проектов более подходящим, может мотивироваться или не мотивироваться волей покойного, но во всех случаях у инициаторов имеются свои собственные мотивы.

¹⁰⁴ Цит. по: <http://www.newsru.com/background/27sep2006/mariaf.html>

¹⁰⁵ «Я сделала все, что могла» (О своих впечатлениях о перезахоронении императрицы Марии Федоровны рассказывает Ольга Николаевна Куликовская-Романова в беседе с писателем Андреем Хвалиным) // <http://rusk.ru/st.php?idar=110824>

¹⁰⁶ Цит. по: <http://www.regions.ru/news/770268/print/>

Отметим одно, важное, на мой взгляд, обстоятельство. Поминальная трапеза увязывает живых и мертвых в единое сообщество, объединяя и «выравнивая» их одним столом. В общей трапезе участвуют равные.

В описанных выше случаях нигде не говорилось о поминках: дерзнув побеспокоить прах, инициаторы этих символических актов не дерзнули тем не менее потрапезничать с мертвыми. Поминальная трапеза не упомянута ни в одном из сообщений корреспондентов. Как тут не вспомнить печальную участь Дон Жуана, дерзнувшего пригласить на ужин мертвеца Командора¹⁰⁷:

Сганарель. Вот и статуя командора.

Дон Жуан. Черт возьми! Ему идет это одеяние римского императора.

Сганарель. Честное слово, сударь, отличная работа. Он совсем как живой, кажется, вот сейчас заговорит. Он бросает на нас такие взгляды, что мне бы страшно стало, кабы я был один, и, думается мне, ему нас видеть неприятно.

Дон Жуан. Напрасно. Это было бы нелюбезно с его стороны — так принять честь, которую я ему оказываю. Спроси у него, не хочет ли он отужинать у меня.

Сганарель. Я думаю, он в этом не нуждается.

Дон Жуан. Спроси, говорят тебе.

Сганарель. Да вы шутите! С ума надо сойти, чтоб идти разговаривать со статуей.

Дон Жуан. Делай, что я тебе говорю.

Сганарель. Что за фантазия! Сеньор командор... *(В сторону.)* Мне стыдно за мою глупость, но так велит мой хозяин. *(Громко.)* Сеньор командор! Господин мой, Дон Жуан, спрашивает вас, соблаговолите ли вы сделать ему честь и отужинать у него?

*Статуя кивает головой.*¹⁰⁸

Почетное перемещение останков к иному, более подобающему с точки зрения инициаторов подобной акции, месту захоронения — лишь один из типов отношения к перемещению останков, представленный в современной России. Другой, также поддержанный публичным дискурсом, тип можно определить как страх или угроза выдворения мертвого тела¹⁰⁹: «Праху великого русского поэта и дипломата Александра Грибоедова, который похоронен в Пантеоне писателей и общественных деятелей на горе Мтацминда в Тбилиси, ничто не угрожает. Об этом заявила на чрезвычайном брифинге 12 апреля председатель парламента Грузии Нино Бурджанадзе. «Распространение подобных слухов — это целенаправленная провокация, направленная на дискредитацию имиджа Грузии в глазах мирового сообщества», — заявила Бурджанадзе, комментируя появившиеся накануне в ряде грузинских СМИ сообщения о якобы готовящемся перезахоронении праха поэта. Бурджанадзе отметила, что она специально проводит брифинг у фрески с изображением царя Давида Агмашенебели (Строителя), «поскольку еще в XI веке этот великий грузинский царь был образцом толерантности и веротерпимости, и грузинский народ никогда не нарушал традиции своих предков». «Имени и могиле великого русского писателя и поэта в Грузии ничто не грозит, и ничего подобного даже и не готовилось», — подчеркнула Бурджанадзе. Председатель парламента высказала критику в адрес СМИ, которые сразу подхватили и стали распространять непроверенные слухи. «Это особо провокационное заявление сразу подхватили массмедиа и некоторые политики. Было бы лучше, если бы впредь СМИ лучше освещали отношения между Грузией и Россией для того, чтобы они наконец вошли в нормальное русло», — сказала спикер»¹¹⁰.

Другим примером того же типа может служить конфликт, разгоревшийся вокруг перенесения «Бронзового солдата» из центра эстонской столицы на кладбище. Он длился в течение нескольких лет, повлек за собой беспорядки и жертвы.

Применительно к останкам соотечественников действуют, как мы видим, два протокола. В одних случаях на их перенесении настаивают, в других случаях всячески противятся перенесению.

Из новостных лент 2010 года:

Градозащитники Петербурга обратились к генеральному прокурору России Юрию Чайке с требованием вмешаться и прекратить незаконную застройку исторического Малоохтинского православного кладбища и прилегающих территорий: банк «Санкт-Петербург», несмотря на массовые протесты общественности, застраивает территорию бывшего православного кладбища на Малой Охте, где покоится

¹⁰⁷ В сюжете «Дон Жуан, или Каменный гость» Мольера дон Жуан приглашает Командора на ужин у его могилы. У Пушкина в «Каменном госте» дон Гуан приглашает статую постоять «при дверях».

¹⁰⁸ Мольер Жан-Батист. Дон Жуан, или Каменный гость. Пер. с фр. Федорова. Цит. по: http://lib.ru/MOLIER/molier2_1.txt

¹⁰⁹ Вспомним сюжет фильма Т. Абуладзе «Покаяние» (СССР, 1984), где акт эксгумации тела был актом возмездия и покаяния.

¹¹⁰ <http://www.patriarchia.ru/db/text/228464.html>

прах многих выдающихся петербуржцев, в том числе деятелей литературы, искусства и так далее.

«Банковская структура, известная своими тесными связями с представителями городской исполнительной власти и их ближайшими родственниками, возводит огромный деловой и жилой квартал буквально на костях наших соотечественников. Как подтверждают рабочие и местные священники, в процессе строительства было обнаружено множество останков людей, но эти факты тщательно скрывались застройщиком. Найденные кости были тайком вывезены на одну из городских свалок», — отметил руководитель группы ЭРА Алексей Ярэма»¹¹¹.

В случае этого конфликта действия градозащитников Петербурга основываются на идее невозможности построек на месте кладбищ, застройщики обвиняются в осквернении могил: извлечении останков и их перемещении на свалку, то есть недостойном обращении с умершими.

Почему я назвала перезахоронения останков трикстерскими манипуляциями?

Трикстер — это мифологический персонаж: плут, шут, как правило, развратник и обжора. Впервые эту универсальную мифологическую фигуру описал Пол Радин в книге о культуре североамериканских индейцев. Позднее образ трикстера, уже как имя для теневого аспекта личности, использовал К.Г. Юнг. Трикстер — это, к примеру, хитрая лиса в сказках, хитрый солдат в сказке о каше из топора. Это любой, кто обманывает, выдавая желаемое жертвой обмана за действительное, преувеличивая свои возможности, блефуя, подменяя понятия и тому подобное. Е.С. Новик очень подробно описала общую модель сюжетов такого рода: успех трикстера полностью зависит от действий антагониста. «Маскируя свои цели или предлагая антагонисту мнимые цели, он стремится управлять его поведением. Для этого он, однако, должен все время

учитывать не только свои интересы, но и интересы антагониста (второго субъекта), его цели, желания, мотивации, способы действовать»¹¹².

Как считает Е.С. Новик, за действиями трикстера стоит более сложная структура, чем просто обман, то есть передача ложной информации. Ключевое слово — «мнимый» — прямо указывает, что мы имеем здесь дело с имитациями рассуждений антагониста, с учетом его желаний и ожиданий, и именно это позволяет трикстеру предугадывать его ответные реакции. Трикстер знает правила, которыми руководствуется его жертва, но сам он от них свободен¹¹³.

У подобных сюжетов есть одна очень важная для нашего анализа особенность. Тактика трикстера основана на его слабости. Лиса не может отнять у волка его добычу, Ивашка не может одолеть ведьму, которая решила его зажарить. Он слабее ее, он может только обмануть. Игроки-трикстеры апеллируют к имеющимся правилам, основываясь на которых организуют свое поведение «жертвы». И именно такая игра, о которой шла речь выше.

Вернемся еще раз к замечанию Леви-Стросса: некоторые общества не только не позволяют своим мертвым обрести покой, а используют их. В основе подобного использования лежит стремление присвоить добродетели и силу умершего¹¹⁴.

Перемещение останков — манипуляции с мертвым телом — символическая практика, проявляющая теневой аспект современной отечественной культуры, несомненно, признающей силу и власть мертвых. Признание их авторитета, «любовь к отеческим гробам» трикстер полагает в качестве морального правила (долга), которым руководствуется жертва манипуляции. Жертвой манипуляции в этой социальной игре выступает российское общество, для которого прах предков по-прежнему значим. Мистическое присутствие умерших, участие их в жизни живых, представлено как религиозной практикой литургического общения, так и народной практикой кладбищенских и домашних поминальных трапез.

За благородным трикстером Дон Жуаном, нарушителем правил, присматривает Командор.

За народным трикстером Петрушкой присматривает черная собака: в конце представления она выскакивает на сцену и утаскивает Петрушку за нос с собой в ад.

За трикстериadou российских властей, похоже, присматривают «родители», предки, «от века почившие». Именно по этой причине оказывается возможным побеспокоить прах, поскольку он — объект, но стыдно разделить поминальную трапезу, поскольку в ней умершие уже не объекты, но субъекты поминальных действий, они принимают участие в трапезе на равных правах с живыми.

¹¹¹ Цит. по: <http://www.ikd.ru/node/15178>

¹¹² Новик Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. Сб. в честь 75-летия Елиазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 147.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.